

ЭЛИНА СВЕНЦИЦКАЯ (ELINA SVENTSITSKAYA)

 <https://orcid.org/0000-0002-0112-1504>

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Учебно-научный институт филологии и журналистики
Кафедра славянской филологии и журналистики
Украина, 01042 Киев
ул. Дж. Маккейна, 33
elinasvm@gmail.com

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ПОЭЗИЯ УКРАИНЫ: СПЕЦИФИКА, АВТОРЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

RUSSIAN-LANGUAGE POETRY IN UKRAINE: SPECIFICITY, AUTHORS AND MODERN CHALLENGES

The object of this article is modern Russian-language poetry in Ukraine as represented by its main personalities. The author argues that Russian-language literature in Ukraine is a far from accidental phenomenon and that it seeks to solve problems of creative self-expression in no way related to politics. It has never sought to support or glorify the authorities in Russia. Rather its goal has been the impartial analysis of the state of society. This paper examines the diversity of creative research of the poetry and its response to contemporary challenges. To this end the meaning and boundaries of “Russian-language literature of Ukraine “ are clarified and shown to be determined by its connection to two East Slavic cultures at once and the integration of two mentalities in one author, which, naturally, is reflected in the poetics of their works. The work of the most famous contemporary poets is examined as to the diversity of their creative searches. The choice of poets is the importance given to the multi-directionality of their searches, as well as the representativeness of their work as part of the literary process in Ukraine, i. e., its non-randomness in this context and its aesthetic qualities. The article not only demonstrates what Russian-language poetry of Ukraine is at the present stage, but also highlights the transformations it is undergoing in response to wartime challenges.

Keywords: authorial consciousness, dialogue, cultural context, bilingualism, marginality, mentality, connection

В данной работе автору было очень важно доказать, что русскоязычная литература в Украине – явление далеко не случайное, что она, помимо решения задач творческого самовыражения, к политике отношения не имеющих, никогда не создавала комплементарной

Received: 18.10.2023. Verified: 27.11.2023. Accepted: 28.11.2023.
© by the author, licensee University of Lodz – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

для власти в России картины, а непредвзято анализировала состояние общества. Объект исследования – современная русскоязычная поэзия Украины в ее основных персоналиях. Цель данной работы – увидеть русскоязычную поэзию Украины в разнообразии творческих поисков и в реакции на современные вызовы. В связи с этим в работе прежде всего проясняется значение и границы понятия «русскоязычная литература», которая определяется ее причастностью сразу к двум восточнославянским культурам, соединением в одном авторе двух ментальностей, что, естественно, отражается в поэтике их произведений. Кроме того, в статье анализируется творчество наиболее известных современных поэтов в многообразии их творческих поисков. Критерием выбора персоналий является необходимость подчеркнуть разнонаправленность этих поисков, а также репрезентативность творчества данного автора для литературного процесса в Украине, то есть его неслучайность именно в этом контексте, и эстетические качества произведений. В статье не только показывается, что представляет собой русскоязычная поэзия Украины на современном этапе, но и освещаются трансформации, возникающие в ней в ответ на ситуацию военного времени.

Ключевые слова: авторское сознание, диалог, культурный контекст, билингвизм, маргинальность, ментальность, причастность

Введение

Данная работа посвящена сложной и актуальной до боли теме. Трагедия, переживаемая сейчас Украиной, заставляет очень многих даже вполне интеллигентных людей воспринимать русскую культуру и литературу как носителей имперского сознания и ксенофобии. Наверное, к этому можно было бы отнестись философски, в конце концов, Пушкину или Булгакову все равно, они пережили многое – переживут и это. Но проблема в том, что подобное отношение автоматически переносится на современных авторов, пишущих по-русски, на людей, чьим родным языком является русский. В этом контексте на русскоязычную литературу Украины смотрят как на странное и случайное образование, не нужное ни по одну, ни по другую сторону границы. А в ситуации, когда языковой вопрос давно уже перешел в плоскость политическую, когда язык, по сути, стал маркером своего/чужого, когда, как всегда бывает в ситуации чрезмерных перегрузок, нюансы никого не волнуют, – русскоязычная литература Украины становится литературой «на языке врага»¹.

В предлагаемой работе я хочу показать, что русскоязычная литература в Украине – явление далеко не случайное, что она, помимо решения задач творческого самовыражения, к политике отношения не имеющих, никогда не была зеркалом «русского мира», а непредвзято анализировала состояние общества. Я сосредоточусь на поэзии, поскольку проза и драматургия – отдельные материки, и осветить их все в рамках одной работы не представляется возможным.

---

¹ Название одного из сборников известного поэта Александра Кабанова.

Естественно, я далеко не первой обращаюсь к данной теме. В Украине внимание к проблемам изучения русскоязычной литературы было привлечено учеными Института литературы имени Т. Шевченко НАН Украины П. В. Михедом, И. В. Козликом, Н. В. Мазепой в 2006 году. В киевском журнале «Радуга» они обсуждали проект *История украинской русскоязычной литературы*, и в их статьях были намечены научные подходы к данному явлению, обсуждалось современное состояние литературы Украины. Так, П. В. Михед в своей статье указывает на факторы, определившие бытование русского языка помимо государственного «насаждения», говорит как о положительных, так и об отрицательных сторонах существования русской культуры в украинском контексте и делает вывод: «Все, что создано на украинских землях, на территории современной Украины, принадлежит нам, и наша задача – умело и по-хозяйски распорядиться тем, что мы имеем»². Далее, Н. Р. Мазепа в своей статье рассуждает о границах, разделяющих литературу русскую и украинскую русскоязычную и, обращаясь к поэзии Л. Вышеславского, показывает, что его стихи взаимодействуют и с украинским, и с русским культурным и философским контекстом³. Статья И. В. Козлика посвящена методологии исследования русскоязычной литературы Украины, важными задачами которого являются:

вычленив (в разумных пределах возможного) собственно российский комплекс идей историософского, религиозно-экзистенциального, социокультурного, эстетико-поэтологического и т. п. планов для того, чтобы проследить и описать вариативные формы их трансформации на украинской культурной и общественно-литературной почве [...] обосновать парадигму для научно состоятельной и адекватной эстетической оценки художественного уровня основного состава украинских русскоязычных текстов⁴.

Следует также отметить попытку харьковского писателя Андрея Краснящих подойти аналитически к русскоязычной литературе Украины. Он сосредоточил свое внимание на прозе. По его мнению, в разных городах Украины существуют различные литературные течения: в Киеве распространен неореализм, здесь в основном пишется «жанровая» литература (детектив, фантастика, фэнтези, основные представители – Я. Дубинянская, А. Никитин, Н. Кондрашов), в Донецке – «магический постмодернизм» (В. Рафеенко,

---

² П. В. Михед, *Заметки к проекту «История украинской русскоязычной литературы»*, «Радуга» 2006, № 3, с. 127.

³ Н. Р. Мазепа, *Современная украинская русскоязычная поэзия: двойной контекст*, «Радуга» 2006, № 3, с. 130–137.

⁴ И. В. Козлик, *История русскоязычной литературы Украины: какова она?*, «Радуга» 2006, № 3, с. 140.

С. Шаталов), а в Харькове – «метафизический авангард» (А. Пичахчи, Ю. Цаплин)⁵.

О русскоязычной литературе Украины пишут европейские исследователи. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить работы В. Чернецкого о русскоязычных писателях Украины до и после Евромайдана⁶, Дирка Уффельмана о поэзии украинского автора Бориса Херсонского⁷, Марии Рубинс об «exterritoria» русской культуры в XX – начале XXI в.⁸ и некоторые другие.

Наиболее фундаментальными представляются труды Марко Пулери: монография *Narrazioni ibride Postsovietiche. Letteratura ucraina di lingua russa* и ее расширенная и переработанная версия *Ukrainian, Russophone, (Other) Russian: Hybrid Identities and Narratives in Post-Soviet Culture and Politics*. Автор рассматривает русскоязычную литературу Украины как результат распада колониальной системы, и его основной методологической посылкой является типологическое сходство постколониализма и посткоммунизма. Исследователь выдвигает тезис о том, что «пространство украинской литературы в долгосрочной перспективе точнее отражает пространство гибридных форм и споров вокруг них, характерные для постсоветских стран»⁹, и в связи с этим считает Украину «лабораторией политической (-их) и культурной (-ых) идентичности (-ей)»¹⁰.

С помощью понятий украинский/русскоязычный/русский автор создает «интерпретационные окна», позволяющие уловить сложности культурного позиционирования писателя в современной украинской культуре, зафиксировать взаимосвязи между языком, традицией и культурной принадлежностью. Это достигается сложной реконструкцией взглядов ведущих писателей и критиков современной Украины на роль языка для определения границ национальной культуры. В работе 2020 года исследователь воссоздает параметры базового русскоязычного нарратива в Украине до 2013 г. Опорой здесь служит известная концепция «малой литературы» Ж. Делеза и Ф. Гваттари: именно как «малую» литературу внутри сразу двух «больших» (украинской и русской) Пулери рассматривает русскоязычную литературу Украины.

⁵ А. Краснящих, *Посукрлут как он есть*, «Новый мир» 2015, № 9, с. 173–197.

⁶ V. Chernetsky, *Russophone Writing in Ukraine: Historical Contexts and Post-Euromaidan Changes*, [в:] *Global Russian Cultures*, ред. K. Platt, Madison: Wisconsin University Press 2019, с. 48–68.

⁷ D. Uffelmann, *Is There Any Such Thing as “Russophone Russophobia”? When Russian Speakers Speak Out Against Russia(n) in the Ukrainian Internet*, [в:] *Global Russian Cultures*, ред. K. Platt, Madison: Wisconsin University Press 2019, с. 207–229.

⁸ M. Rubins, *A Century of Russian Culture(s) “Abroad”: The Unfolding of Literary Geography*, [в:] *Global Russian Cultures*, ред. K. Platt, Madison: Wisconsin University Press 2020, с. 21–47.

⁹ M. Puleri, *Ukrainian, Russophone, (Other) Russian: Hybrid Identities and Narratives in Post-Soviet Culture and Politics*, Berlin: Peter Lang 2020, с. 34.

¹⁰ Там же, с. 48.

С этим он связывает такие особенности русскоязычных текстов из Украины, как «хронотоп промежуточности», поэтику переходности и политичность, проистекающую из статуса «коллективных высказываний»¹¹, реализацией которых является, по мнению автора, творчество трех писателей – Андрея Куркова, Алексея Никитина и Владимира Рафеенко. Труды М. Пулери в целом дают теоретические установки для понимания самоосуществления «малой» литературы в гибридном культурном контексте.

Работы, названные в этом кратком обзоре, с разных сторон освещают феномен русскоязычной литературы Украины. Ни в одной работе – даже в фундаментальных трудах М. Пулери – не дается сколько-нибудь систематизированный перечень русскоязычных украинских авторов и их произведений, не говоря уже о характеристике их творческих индивидуальностей. Цель данной работы – увидеть русскоязычную поэзию Украины в сложности творческих поисков, ориентации в поле наследуемых традиций, своеобразной и разнообразной стилистике. Для достижения этой цели в данной работе определяется специфика русскоязычной литературы Украины в отличие не только от русской, но и от украинской литературы, характеризуется творчество наиболее известных поэтов конца XX – начала XXI века и заложенные ими традиции, в результате чего возникает представление о русскоязычной поэзии Украины на современном этапе как явлении многоплановом и своеобразном, а также описываются трансформации, возникающие в ней в ответ на вызовы военного времени.

Специфика русскоязычной литературы Украины

Говоря о специфике русскоязычной литературы Украины, невозможно не остановиться на всегда возникающем при обсуждении статуса аналогичных литератур с двойной идентичностью вопросе о маргинальности. Тезис о маргинальности русскоязычной литературы высказан был довольно жестко в работе А. Окары:

Украинские русскоязычные авторы достойны всяческого сочувствия – они находятся на географической, лингвистической и художественной периферии как русской, так и украинской культуры: для первой они бедные родственники из провинции, для второй – отступники и вырожденцы¹².

¹¹ Там же, с. 121.

¹² А. Окара, *Запах мертвого слова. Русскоязычная литература на Украине*, «Ex Libris. Сборник русско-украинской критики» 1998, № 7 (28), [электронный ресурс] <http://liter.net/ukr/crit-okara.html> [15.03.2023].

В данной формулировке, конечно, нет самого понятия маргинальности, однако буквально реализована его этимология (лат. *marginalis* – находящийся на краю).

В принципе, такое представление лежит на поверхности, логика тут элементарна – если какое-либо явление нельзя назвать ни полностью «своим», ни полностью «чужим», то оно автоматически является маргинальным. Надо ли говорить о том, что в истории культуры данный эпитет можно отнести к самым интересным ее явлениям, поскольку

Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её [...] Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьёзность и значительность; отвлечённый от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает¹³.

То есть, суть культуры именно в выходе мысли за пределы отдельных явлений к диалогу на границе. В этой логике пределы культуры никогда не окончательны, они стираются, заменяются новыми, и именно на границах, которые, по сути, тоже маргинальны, формируются новые смыслы. В связи с этим законом культуры является важной амбивалентность, в том числе и амбивалентность периферии и центра. И здесь разные культурные языки дополняют друг друга, находясь в отношениях диалога. Однако война – не время и место для диалога, но с другой стороны: война – с какой-то точки зрения следствие неумения этот диалог вести.

Действительно, русскоязычная литература отличается не только от русской, но и от украинской литературы. И своеобразие это сложилось не к 2014 году, а гораздо раньше. С самого начала национальный исторический и культурный контекст влияет на литературный стиль этих авторов, в нем взаимно переплетаются «свое» и «чужое». «Свое» может проявляться в выборе фабулы и сюжета и, соответственно, хронотопа во всей сложности этого феномена: хронотоп топографический, психологический и метафизический; в системе персонажей; в подтексте и типе художественной тональности. Как замечает Александр Мельник в статье *Русская лира в степях Украины. Об украинской поэзии на русском языке*, «на творческий почерк украинских русскоязычных поэтов влияет иная культурная среда – та самая призма, через которую поэты общаются со своими Музами»¹⁴. «Чужое» – это парадигма

---

¹³ М. М. Бахтин, *К философии поступка*, [в:] он же, *Собрание сочинений*, т. 1: *Философская эстетика 20-х годов*, Москва: Русские словари Языки славянской культуры 2003, с. 262.

¹⁴ А. Мельник, *Русская лира в степях Украины. Об украинской поэзии на русском языке*, «Эмигрантская лира» 2017, № I (17), [электронный ресурс] <https://emlira.com/1-17-2017/alexandr-melnik/russkaya-lira-v-stepyakh-ukrainy> [02.04.2023].

русской художественной литературы – ее жанры, литературные направления с соответствующими признаками и логикой их взаимодействия. Очень характерен в этом плане феномен Н. В. Гоголя: в его русском художественном языке воплотилась украинская картина мира.

Главная особенность такого рода произведений – укорененность автора в данном историческом пространстве, когда он пишет «с Украиной в крови» (Б. Чичибабин). Русскоязычный писатель в Украине – что-то вроде «общающегося сосуда», ему присуща двойная культурная ориентация: и русская, и украинская. Полностью согласна в этом плане с Н. Р. Мазепой, которая в статье *Современная украинская русскоязычная поэзия: двойной контекст* пишет:

Ни у кого, конечно, не возникает сомнения, что, если поэт пишет по-русски, он владеет традициями русской культуры, ее опытом, он к ней непосредственно причастен. Без этого он по-русски просто не смог бы творить. Поэтому я считаю, что контекст в нашем случае должен быть двойным – русским и украинским¹⁵.

Анализируя стихотворения Л. Вышеславского, исследовательница находит в них, наряду с прямыми реминисценциями произведений русских авторов, наследование пантеизма украинских неоклассиков. Поэт, писатель при такой ориентации получает возможность одинаково отстраненно и одинаково сочувственно посмотреть на обе культурные системы – и, следовательно, на русскую и украинскую жизнь.

Конечно, «пограничный» план содержания – один из решающих критериев, но сигналом здесь, наверное, является все-таки не взаимодействие национальных мотивов, а их трактовка. Как пишет Ш. Маркиш, «каким бы ни было отношение к материалу, взгляд писателя – восторженный, скептический, даже откровенно ненавидящий – это всегда взгляд изнутри»¹⁶. То есть, украинская русскоязычная литература – это такая диалогичная ментальность текста, при которой украинский культурный контекст воссоздается изнутри, но при этом не превалирует над российским. Такую установку сформулировал Н. В. Гоголь в одном из писем: «...сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином»¹⁷.

¹⁵ Н. Р. Мазепа, *Современная украинская русскоязычная поэзия...*, с. 133.

¹⁶ Ш. Маркиш, *Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки*, [в:] он же, *Непрошедшее время. Собрание сочинений*, т. III: *Русско-еврейская литература*, Будапешт: ELTE – MűMű 2021, с. 38.

¹⁷ Н. В. Гоголь, *Письмо А. О. Смирновой 24 декабря 1844 г.*, [в:] он же, *Полное собрание сочинений*: в 14 т., т. XII: *Письма, 1842–1845*, Москва–Ленинград: Издательство Академии наук СССР 1952, с. 419.

Еще один важный критерий – критерий читателя, без которого литературный процесс просто невыносим. Здесь, по-видимому, надо говорить о двойной обращенности, ведь те же Е. Гребинка и Г. Квитка-Основьяненко по-разному обращаются к русскому читателю и к «любезным землякам».

И еще можно говорить, наверное, о своеобразии русского языка, синтаксический и интонационный строй его меняются, в него вводятся украинизмы, причем не просто как лексические единицы, а как структурные элементы культурного кода, порождающие определенное ассоциативное поле у связанного с данной культурой читателя. Например, ассоциативное поле украинизмов в поэзии Л. Н. Вышеславского описывает Н. Р. Мазепа в уже цитированной статье:

Он неизменно пишет «хата», когда в русском его стихотворении появляется сельский пейзаж. Но ведь хата – это космос, это замкнутый мир с устойчивыми признаками (белые стены, роспись, икона, рушник, глечик и т. д.). Эти ассоциации поэт рассчитывает вызвать у своего украинского читателя¹⁸.

Таким образом, специфика русскоязычной литературы Украины в самом общем виде можно определить ее причастностью сразу к двум восточнославянским культурам, соединением в одном авторе двух ментальностей, что, естественно, отражается в поэтике их произведений. Соединение это не может быть бесконфликтным, оно чревато внутренними противоречиями, которые кто-то преодолевает, а кто-то в конце концов вынужден выбирать.

Современные русскоязычные авторы (конец XX – начало XXI века)

Александр Мельник в статье *Русская лира в стенах Украины* на сайте *Эмигрантская лира* приводит чрезвычайно объемный перечень поэтов, пишущих на русском языке, – к сожалению, без какой-либо характеристики их творчества. Однако этот перечень выполняет свою задачу: он внушает ощущение, что поэзия на русском языке – явление в Украине не случайное, представленное множеством ярких творческих индивидуальностей.

Задача данной работы скромнее – объять необъятные просторы русского версифицирования в Украине невозможно. Поэтому я остановлюсь на небольшом количестве авторов, чье творчество, на мой взгляд, является

---

¹⁸ Н. Р. Мазепа, *Современная украинская русскоязычная поэзия...*, с. 137.

не только зрелым и ярким, но и заключает в себе те черты, которые раскрывают русскоязычную поэзию Украины как самостоятельное явление литературного пространства. Критерием выбора персоналий является прежде всего необходимость подчеркнуть разнонаправленность творческих поисков русскоязычных поэтов Украины, а также репрезентативность творчества данного автора для литературного процесса в Украине, то есть его неслучайность именно в этом контексте, и эстетические качества произведений. Так, творчество Бориса Херсонского ближе всего к неореализму своим стремлением не только к воспроизведению, но и анализу окружающего мира, своеобразным многоголосием. Произведения А. Кабанова относятся к постмодернизму (представление о мире как о родном и привычном хаосе, гибридная стилистика, цитаты и цитоны). Поэзия Дмитрия Бураго ближе всего к модернизму (традиция Б. Пастернака и О. Мандельштама). Борис Херсонский – не только поэт, но и эссеист, а также общественный деятель. Александр Кабанов – главный редактор украинского журнала о современной культуре *ШО*, который издавался на русском и украинском языке в Киеве с 2005 года и был вынужденно закрыт в мае 2022 г. из-за путинской агрессии против Украины. Дмитрий Бураго – не только поэт, но и издатель современной научной и художественной литературы, научно-художественного журнала «Collegium», художественного журнала «Соты», а также организатор конференций *Язык и культура* им. проф. С. Б. Бураго, на которых одинаково комфортно чувствуют себя и русисты, и украинисты, и филологи, и философы, и культурологи.

Патриархами современной русскоязычной поэзии Украины являются Борис Херсонский и недавно умерший Игорь Лапинский. **Бориса Херсонского** называют эпическим поэтом. Часто его стихотворения обращены в прошлое – иногда личное семейное, иногда народное историческое. Как пишет А. Штыпель, автор предисловия к сборнику Б. Херсонского *Семейный архив*, «это тексты с характерным лирическим тембром – но вникающие в сознание Другого и других, в колорит времен, в верования и иллюзии целых поколений»¹⁹. Безусловно, что большое влияние на его поэзию оказал И. Бродский – это чувствуется и по непременным анжабеманам, и по длинной, как бы разворачивающейся в своей мощи строке, и по внутренней сдержанности, кажущейся безэмоциональности. Не только И. Бродский, но и А. Пушкин, О. Мандельштам и другие авторы постоянно возникают в его произведениях в виде аллюзий, переосмысленных образов и идей. Одной из заметных граней в лирике Б. Херсонского являются стихи-биллингвы, то

---

¹⁹ А. Б. Штыпель, *Роман в стихах и повесть в письмах*, [в:] Б. Г. Херсонский, *Семейный архив*, Москва: Новое литературное обозрение 2006, с. 6.

есть написанные одновременно и по-русски, и по-украински, а в данном случае один язык естественно переходит в другой:

Начинается новая жизнь – *incipit vita nova* – латинское слово
входит в русский язык с добавкой «я» – но где та новизна?
Українською мовою «я» не потрібно, а чому – хто зна?
Наголос інший. Привіт, українська мово!
Шість років тому навчила мене руська весна.
Начинається новая жизнь – почалося нове життя.
З римою українською легко – буття, небуття, каяття.
а к русскому «жизнь» – складніше – ну, покажись,
эпоха, скорей – раздевайся, в койку ложись²⁰.

Эти стихи звучат несколько иначе, чем стихи Б. Херсонского по-русски. Они более открыты в проявлениях эмоций, они носят не столько медитативный, сколько суггестивный характер, выражая чувства рядом прихотливых ассоциаций.

Игорь Лапинский – в отличие от Б. Херсонского, его поэзия тяготеет к авангарду. Не случайно в юности он принадлежал к группе «Винницкие марфуты» («марксисты-футуристы»). Кроме него в эту группу входили Ефим Аптекман, Александр Ключев, Александр Филин. Марфуты собрали неопубликованные стихи украинских и русских поэтов-футуристов 20-х годов и, вместе со своими стихами, разместили их в самиздатовском альманахе *Инфаркт миокарда*, весь небольшой тираж которого был изъят на обысках КГБ.

Игорь Лапинский окончил консерваторию, и музыкальное образование, а также долгие годы работы музыкальным критиком повлияли на его творчество. Прежде всего, стихи И. Лапинского пронизаны своеобразной звукописью – не позднефутуристической и даже не хлебниковской. У него не просто звуки, а звукообразы, то есть он ощущает образность взятого самого по себе звука. Поэтому для него важно именно соединение образа со звуком помимо понятия. Восприятие слова как «звучащей среды» воплощает сущностную содержательность самой звуковой плоти слова: связи между явлениями он устанавливает на основании созвучия слов, их обозначающих:

²⁰ Б. Херсонский, «З римою українською легше: буття, небуття, каяття», «Интернет-газета Майдан» 18.09.2020, [электронный ресурс] <http://maydan.drohobych.net/?p=89963> [28.02.2023].

[...]

Несмышлёный смешной и смешимый
Сморщился Полишинель мышиный

Когда осеннее небо печалится
И льются звёзды в иной мир
Наши души зависают
Качаются
Словно нетопырь
Словно нетопырь²¹.

Кроме того, в произведениях И. Лапинского смещаются границы между стихами и прозой, а образы возникают в странной, нелогичной, но убедительной последовательности: такова логика сновидений, когда предметы расплываются, не доходя до границы сознания:

Шёл Данте
.....по пустой Флоренции.
По улицам тихим как вата в вате, по площадям беззвучным как смерть, завёрнутая в смерть.
Пулены без бубенчиков, без колокольчиков, без каблуков ступали неслышно по бульжникам
квадратным, округлым и треугольным.

Камни самые разные: синий мрамор, тут же обгоревший гранит, а рядом порфир огнеалый,
.....игольчатый кварц, затем огромный рубин.

Призраки Рая без света.

Ватные камни без эха²².

Безусловный лидер следующего поэтического поколения – **Александр Кабанов**. Стихи Александра Кабанова переведены на все основные европейские языки, а также на украинский, белорусский, грузинский, польский, нидерландский, финский, сербский, иврит. Для его стихов характерно чувство объёмности сказанного, гармония внутреннего мира. Причем эта гармония не связана с поиском золотой середины,

²¹ И. Лапинский, *Далекие шестидесятые. Стихи*, [электронный ресурс] <http://www.codistics.com/sakansky/all/lapinsky/igor01.htm> [28.03.2023].

²² И. Лапинский, *Пинии Равенны*, «Соты» 2018, № 1, с. 143.

а наоборот – с доведением до предела, когда малейший шаг в сторону – фальшь, всякий раз умудряется этот шаг не сделать. В ряде стихотворений Александру Кабанову с блеском удалось придать ироническому повествованию трагическое звучание и не утратить при этом чувства меры. Крушение общественных идеалов и веры в справедливое обустройство жизни приводит Александра Кабанова к «тотальному» повествованию, когда невозможно разъять букет эмоций: плачет ли автор, негодует ли, или, может быть, иронизирует – все эмоции переживаются одновременно: «...в неё колючки и шипы, / Вот так и я – люблю свою эпоху, / И ты, моя эпоха, не шипи»²³. Одной из самых привлекательных черт поэтики Кабанова является афористичность. Например: «Феникс – многоразовая птаха», «Наш президент распят на шоколадном кресте», «Говорит и показывает Христос».

Творчество **Ирины Евсы** – харьковского поэта и переводчика, автора восьми книг стихов – сочетает трудновосприимчивые свойства: плотность деталей и достоверность звука, социальный протест и экзистенциальную глубину. Удивляет способность Ирины Евсы практически любой обыденный эпизод превратить в стихи, не впадая в фельетонную легковесность. При чтении этих стихов создается ощущение не просто важности, но самодостаточности мельчайших деталей:

Я хочу быть сухим китайцем с косичкой тощей,
с колокольчиком в горле (что за чудной язык!),
собирающим хворост в короткопалой роще,
перед тем, как заснуть, читающим Чжуан-Цзы;
[...]

и, вбирая ноздрями запах апрельской прели,
ни обиды в душе не взращивать, ни тоски,
иероглифом расплываясь на акварели,
выпускающим в сырость тонкие волоски²⁴.

Ирина Евса обладает способностью улавливать глубинные импульсы своей сложной эпохи, воспринимать ее всерьез, не ограничиваясь регистрацией поверхностных явлений. Советская реальность в ее стихах – реальность

²³ А. Кабанов, *На языке врага. Стихи о войне и мире*, Харьков: Фолио 2017, с. 55.

²⁴ И. Евса, *Трофейный пейзаж*, Харьков: ОКО 2006, с. 25.

исчезающая, она готова в любую минуту обнаружить свою фантомную сущность. Главный вопрос, звучащий в ее стихах: как было? (и как уже нет). Текучесть берегов мироздания – скрытый сюжет ее лирики:

Два рыбака по ночной реке
шли на одном плоту.
Первый курил, а второй в тоске
сплевывал в темноту.
Вспыхнули плоские фонари,
вызолотив лоскут
мыса. И первый сказал: «Смотри,
как берега текут!»²⁵

Ее воспоминания всегда несут в себе коррективы сегодняшнего дня, сюжет из недавнего прошлого излагается с использованием новейшего словаря: «В год больших свершений, сплошного штиля / вождь бровастый речи толкал на бис; / на экране плел паутину Штирлиц, / а меня заботливо пас гэбист»²⁶. Все это – почти случайные приметы времени, первое, что пришло на ум. Сами по себе они не подразумевают погружения в прошлое, но помогают автору иронически дистанцироваться от него.

И, наконец, самое младшее поколение. Прежде всего, это **Александр Моцар** – активный участник многих литературных фестивалей, который немало занимался и разнообразными экспериментальными проектами. Многие тексты этого автора основаны на маленькой истории, неожиданном сюжете, разворачивающемся по своеобразной логике абсурда:

– Я рисую облака в небе, –
Сказал мне один знакомый
без тени иронии.
Он был в этом как-то по-детски уверен.
Я знал, что он работает
истопником в крематории²⁷.

Поэтому много значит в данном случае тема стихотворения и ее житейские декорации. Чаще всего это – странные приключения жителей периферийных

²⁵ И. Евса, *Альменда*, Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого 2017, с. 199.

²⁶ Там же, с. 77.

²⁷ А. Моцар, *Бим и Бом и другие клоуны*, Днепропетровск: Лира 2013, с. 88.

районов, насыщенные непрезентабельным жильем, алкоголем, агрессией и вмешательством всяческих химер (в самом широком понимании последнего слова). Экстраординарные события А. Моцар показывает как совершенно будничные, а будничным сюжетам придает космический масштаб.

В стихотворениях **Дмитрия Бураго** слова следуют друг за другом не в логической последовательности и не в последовательности причудливых авторских ассоциаций. У Д. Бураго, как у М. Хайдеггера, «язык говорит», а автор, кажется, только наблюдает за этим процессом. Например, стихотворение под названием *Стих* начинается так:

Каким движением замечен?
 Какой разлукой опьянен?
 Из речи, разговорной речи,
 сорвавшись с губ, произнесен.

И потому, когда возникают для поэта «последние вопросы», то ответ на них коренится в языке:

Где ты, тело Мандельштама? Клюев где?
 Где поруганного храма встать звезде?
 Где бессилие в зачете перед злом?
 – В окончательном расчете с языком²⁸.

Русскоязычная поэзия Украины: ответы на вызовы сегодняшнего дня

Оптика войны, естественно, многое изменила в мире литературы. Впрочем, еще до войны в украинском обществе происходила дискуссия о десоветизации украинского культурного пространства, в связи с чем началась – и продолжается сейчас – кампания по демонтажированию памятников русским и советским деятелям культуры, по переименованию улиц, названных в их честь. Безусловно, борьба с памятниками для кого-то – сублимация военных действий, для кого-то – легкий способ демонстрации патриотизма. В такой ситуации сохранять спокойствие очень трудно. О драме русскоязычного автора в Украине сказала еще в 2016-м году Ирина Евса в одном из интервью:

²⁸ Д. Бураго, *Избранное*, Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго 2018, с. 137.

Поета, який живе в Харкові, пише російською, не прийнято питати, чи хотів би він, наприклад, переїхати до Києва? Мова, як правило, відразу ж заходить про Москву, так? Тобто він за визначенням – чужинець для країни, в якій, тим часом, народився і продовжує жити. І так, на жаль, було завжди. І до розпаду СРСР – також²⁹.

Сейчас, в стрессовой ситуации, для многих вся русская культура сводится к пропаганде рашизма, соответственно, и те, кто сейчас продолжает писать по-русски, – как минимум, агенты Кремля. Но гораздо важнее, что пишущие на русском языке в Украине действительно переживают сейчас трагедию: язык, на котором они пишут, стал орудием убийц, их перо запачкано кровью.

В этой ситуации некоторые авторы просто молчат – как, например, Дмитрий Бурого, Алексей Зарахович. Но большинство из них решают проблему кардинально и переходят на украинский язык – причем в основном не из-за конформизма, а именно по идейным соображениям или ощущая русский как язык врага.

Яркий пример – **Сергей Шелковый**, поэт из Харькова. Его стихи на русском отличаются глубиной философской мысли, пристальным и мужественным взглядом на мир, он – мастер очеловеченного пейзажа:

Травы живые, русалочки воды,
исповедальные очи природы,
ночью от смятого изголовья
к вам отлетают наши любви.
Вы затаили, лилейная тайна,
белую юность багрового Каина.
То, что в стихе не сбылось, не пропелось,
Вас осенило, озёрная светлость.
Мудрых лесов инфракрасные совы
выловят мышь ускользнувшего слова³⁰.

Источник этих стихов, насыщенных многообразными аллюзиями, возможно, в способности «сверхинтенсивного переживания культуры» (по выражению Лидии Гинзбург), когда все её явления и эпохи словно становятся мгновеньями собственной жизни поэта.

²⁹ И. Евса, *Літератори, які пишуть в Україні російською, – нічийні. Інтерв'ю з України*, [електронний ресурс] <https://rozmova.wordpress.com/2016/05/29/iryna-evsa/> [28.02.2023].

³⁰ С. Шелковый, *Листы пятикнижья*, Харьков: Майдан 1997, с. 238.

Стихи поэта на украинском языке совершенно иные. Из них совершенно исчезла философская созерцательность, лирическая медитация. Они выражают одно – уверенность в победе: «І ти встоїш, молитвена моя, / Вкраїно-пісне, / серце нездоланне! / Встоїш, хоч пекло у містах буя, / І сніг кривавий / На полях не тане»³¹.

Ия Кива – поэтесса из Донецка, переехавшая в Киев, как и многие дончане, была билингвальным автором. Однако после февраля 2022 года она почувствовала невозможность писать по-русски. В принципе, переход на украинский в ее стихах мало что изменил: в ритмическом отношении это тоническая система стихосложения с отдельными рифмующимися строчками (что очень удобно для переводчиков), по внутренней сути – трагическое мироощущение, постоянное предчувствие гибели, глубокая укорененность в культурной традиции – украинской, русской, еврейской:

на що дивляться очі мої – більше не знаю
 темрява в скронях витанцьовує марші
 тягне носок мов білі папірці порожнечі
 і роздмухує думки змертвіле багаття
 все довкола палає – лише я не горю³².

Перешли на украинский также Ирина Береза, Ася Шевцова, Артем Сенчило и многие другие.

Продолжают писать на русском языке Александр Кабанов – о нем уже шла речь, **Ирина Карпинос**, а также **Ирина Иванченко**. О последнем авторе скажем отдельно. Это один из самых глубоких лириков сегодняшней Украины. Ее стихотворения прочно связаны с классической традицией. В них трагическое мироощущение проявляется сдержанно, через детали, которые автор видит четко и ярко, как бы взглядом тонущего. Кроме того, Ирина Иванченко – поэт с серьезным ощущением истории, понятным как движение времени, которое неизбежно разрушает прошлое – именно потому так бережно в ее стихах воссозданы исторические реалии и реалии текущей современности, которые тоже станут историческими:

Впереди зима, а запаса особо нет,
 и голодные птицы, как дроны, летают низко.

³¹ С. Шелковий, *Неісходиме*, Київ: Друкарський двір Олега Федорова 2023, с. 49.

³² І. Ківа, «Переміщуючи власне лице шахівницею смерті», [в:] *Поміж сирен. Нові вірші війни*, Харків: Віват 2022, с. 145.

Обесточен дом, но ещё остается свет
изнутри, и его хватает на самых близких.

И когда он войдёт – побеждающий мрак – в проём,
я скажу: спасибо, Боже, что шли вдвоём,
оттого что сетка морщин на лице моём
повторила карту боёв³³.

Общим моментом в стихах военного времени – независимо от языка – является парадоксальное воскрешение советской стилистики. Яркий пример – стихи Сергея Шелкового, о которых уже шла речь. В его произведениях последнего времени взгляд чрезвычайно сузился: они, начиная с марта 2022 года, выражают только две мысли, соединенные и варьируемые от стихотворения к стихотворению – любовь к Украине и уверенность в победе.

Само по себе это не хорошо и не плохо, но проблема в том, что автор как будто бы забыл о свойственном любому поэту выразить даже общепонятные чувства по-своему, оригинально: все здесь лежит на поверхности, что называется, общедоступно:

По Харкову скажені «гради» бють.
І з хижих літаків півтонні бомби
Рвуть мою землю. І звіряча лють
Перемагає все людське немов би;

Чорніє мій край від облуди і крові...
Та чуєш, як входить в невтомній любові
Наш Спас в підсвідомість тобі і мені –
В реалі хитким, у величному сні?³⁴

(цитаты можно было бы множить, но не стоит). К этому добавляется еще и странная для автора с опытом глухота: практически в каждой строке возникает тормозящее движение переживания скопление согласных.

³³ И. Иванченко, «Отгудела сирена, но длится пожарный вой», [в:] Год войны. Стихи поэтов Украины на русском языке, [электронный ресурс] <https://novayagazeta.eu/articles/2023/02/22/god-voiny-russkie-stikhi-poetov-ukrainy> [23.02.2023].

³⁴ С. Шелковий, *Неісходиме...*, с. 122.

Аналогичная ситуации в стихах А. Сенчило, который в русскоязычном варианте был самоуглубленным поэтом-созерцателем, теперь пишет практически лозунги:

Але живі і ми, і мова,
 І знає Богом даний світ:
 Допоки світом править Слово,
 Ніхто не змінить Заповіт.
 А доки небо вщент роздерте
 І не зшиваються кінці,
 В строю стоять живі, і мертві,
 І ненароджені бійці³⁵.

Тот же всплеск риторики – в стихах Ирины Карпинос:

И сколько горя и беды перемолоть?
 И кто сказал, что не судимы, что не в праве
 судить убийц и разжигателей войны –
 все те, кто пали под обстрелом и блокадой,
 чьи дни и ночи негодяем сожжены?
 Его давно уже в аду увидеть рады³⁶.

Примеры можно продолжать до бесконечности, однако, думается, это симптоматично – на самом деле советская культура у многих авторов, что называется, впитана с молоком матери и в стрессовой ситуации естественно проявляется. В данном случае перед нами – рецидив социалистического реализма, когда основными критериями художественности были доступность и – в ограниченных пределах – правдивость.

Понятно, что каждый автор сам выбирает язык творчества. И недопустимо, когда язык становится полем политических манипуляций. Хотя с другой стороны, в ситуации, когда мир резко разделился на своих и врагов, а разбираться с нюансами просто нет времени и ресурса, к сожалению, так происходит. Но, если посмотреть глубже, за каждым выбором стоят серьезные мировоззренческие мотивации. Уйти из языка, даже

³⁵ А. Сенчило, *Дні. Щоденник весни 24.02.2022*, Київ: Друкарський двір Олега Федорова 2022, с. 78.

³⁶ И. Карпинос, *От надежды до отчаянья*, [в:] *Год поэзии 2022*, Киев: Друкарський двір Олега Федорова 2022, с. 179.

ценой ухудшения качества текста, ценой утраты части читателей – необходимо, чтобы ни в малейшей степени не быть причастным к вражеской пропаганде, к убийству. Остаться в языке – тоже необходимо, для того, чтобы бороться, для того, чтобы доказать, что этот язык не превратился окончательно в язык ненависти. И тот, и другой выбор – трагичен. К чему это приведет – будет видно.

References

- Bakhtin, Mikhail M. *K filosofii postupka*. In: *Sobranie sochinenii*. Vol. I. Moskva, 2003: 7–68.
- Burago, Dmitrii. *Izbrannoe*. Kiev: Izdatelskii dom Dmitriia Burago, 2018: 137.
- Chernetsky, Vitaly. *Russophone Writing in Ukraine: Historical Contexts and Post-Euromaidan Changes*. In: *Global Russian Cultures*, Madison: Wisconsin University Press, 2019: 48–68.
- Evsa, Irina A. *Almenda*. Kyev: Yzdatelskyi dom Dmytryja Burago, 2017: 199.
- Evsa, Irina A. *Literatory, yaki pishut v Ukrayini rosiyskoju, – nichiyini. Intervyu z Ukrayiny*. <https://rozmova.wordpress.com/2016/05/29/iryna-evsa/>
- Evsa, Irina. *Trofeynyi peyzazh*. Kharkov: OKO, 2006: 25.
- Gogol, Nikolai V. *Pismo A. O. Smirnovoi 24 dekabrya 1844 g.* In: *Polnoe sobranie sochinenii v 14 tomakh*. Vol. XII. Moskva–Leningrad, 1952: 411–421.
- Ivanchenko, Irina. «*Otgudela sirena, no dlitsya pozharnyi voi*». In: *God voiny. Stikhi poetov Ukrainy na russkom yazyke*. <https://novayagazeta.eu/articles/2023/02/22/god-voiny-russkie-stikhi-poetov-ukrainy>
- Kabanov, Aleksandr. *Na yazyke vruga. Stikhi o voine i mire*. Kharkov: Folio, 2017: 55.
- Karpinos, Irina. *Ot nadezhdy do otchayaniya*. In: *God poezii 2022*. Kiev: Drukarskii dvir Olega Fedorova, 2022: 179.
- Khersonskii, Boris. “Z rimoiu ukraïnskoju legshe: buttia, nebuttia, kaiattia”. *Internet-gazeta Maidan* (18.09.2020). <http://maydan.drohobych.net/?p=89963>
- Kiva, Yja. “*Peremishhujuchy vlasne lyce shahivnyceju smerti*”. In: *Pomizh syren. Novi virshi vijny*. Harkiv: Vivat, 2022: 145.
- Kozlik, Igor V. “Istoriya russkoyazychnoi literatury Ukrainy: kakova ona?” *Raduga*. No. III (2006): 138–149.
- Krasnyashchikh, Andrei P. “Rosukrlit kak on est”. *Novyi mir*. No. 9 (2015): 173–197.
- Lapinskii, Igor. *Dalekie shestidesyatye. Stikhi*. <http://www.codistics.com/sakansky/all/lapinsky/igor01.htm>
- Lapinskii, Igor. “Pinii Ravenny”. *Soty*. No. 1 (2018): 143.
- Markish, Shimon P. *Russko-evreyskaya literatura: predmet, podkhody, otsenki*. In: *Neproshedshee vremya. Sobranie sochinenii*. Vol. III. Budapesht, 2021: 31–47.
- Mazepa, Natalya R. “Sovremennaya ukrainskaya russkoyazychnaya poeziya: dvoynoi kontekst”. *Raduga*. No. III (2006): 130–137.
- Melnik, Aleksandr V. “Russkaya lira v stepyakh Ukrainy. Ob ukrainskoi poezii na russkom yazyke”. *Emigrantskaya lira*. No. I (17) (2017). <https://emlira.com/1-17-2017/aleksandr-melnik/russkaya-lira-v-stepyakh-ukrainy>
- Mikhed, Pavel V. “Zametki k proektu ‘Istoriya ukrainskoi russkoyazychnoi literatury’”. *Raduga*. No. III (2006): 127–138.
- Motsar, Aleksandr. *Bim i Bom i drugie klouny*. Dnepropetrovsk: Lira, 2013: 88.
- Okara, Andrei N. “Zapakh mertvogo slova. Russkoyazychnaya literatura na Ukraine”. *Ex Libris. Sbornik rusko ukrainskoi kritiki*. No. 7 (28) (1998). <http://liter.net/ukr/crit-okara.html>

- Puleri, Marco. *Narrazioni ibride post-sovietiche. Per una letteratura ucraina di lingua russa*. Firenze: Firenze University Press, 2016.
- Puleri, Marco. *Ukrainian, Russophone, (Other) Russian: Hybrid Identities and Narratives in Post-Soviet Culture and Politics*. Berlin, 2020.
- Rubins, Maria. *A Century of Russian Culture(s) "Abroad": The Unfolding of Literary Geography*. In: *Global Russian Cultures*. Madison: Wisconsin University Press, 2020: 21–47.
- Senchylo, Artem. *Dni. Shchodennyk vesny 24.02.2022*. Kyi'v: Drukars'kyj dvir Olega Fedorova, 2022: 78.
- Shelkovyi, Sergei. *Listy pyatknizhiya*. Kharkov: Maidan, 1997: 238.
- Shelkovyj, Sergei. *Neishodyme*. Kyi'v: Drukars'kyj dvir Olega Fedorova, 2023: 122.
- Shtypel, Arkadii B. *Roman v stikhakh i povest v pismakh*. In: B. G. Khersonskii. *Semeynyi arkhiv*. Moskva, 2006: 6.
- Uffelmann, Dirk. *Is There Any Such Thing as "Russophone Russophobia"? When Russian Speakers Speak Out Against Russia(n) in the Ukrainian Internet*. In: *Global Russian Cultures*. Madison: Wisconsin University Press, 2019: 207–229.